

ЛЮБОВЬ
ПОПОВА

МИЛАНА
СТОУН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ангел для ЗВЕРЯ

Милана Стоун
Ангел для Зверя

«Автор»

2021

Милана Стоун

Ангел для Зверя / Милана Стоун — «Автор», 2021

— Руслан!— Раздевайся!— Зачем?!— Раздевайся, пока не порвал все.— Я не понимаю, — ее начинает трясти, а зубы стучать. — Руслан, пожалуйста...Но я не поддаюсь. Снимаю брюки и остаюсь в трусах. Взгляд на голые ступни.— Раздевайся, Кристина. Беременной делать буду, чтобы больше не сбежала.

© Милана Стоун, 2021

© Автор, 2021

Милана Стоун, Любовь Попова

Ангел для Зверя

Пролог

Голова вскипает. Чем дальше, тем хлеще. Мне нужно снять это напряжение, что сковало все тело.

Подраться. Потрахаться.

А я Кристину по городу выискиваю. Как Шерлок, гребанный, Холмс.

Всех знакомых Ахмедова подняли. Заебался выслушивать, что ему не до этого. Ничего. Потерпит. Мою жену ищем, а не черт знает кого.

Я не раз его уже выручал, помогал, как и чем мог, пусть теперь и он впряжется. Много я не прошу.

Да и ему надо практиковаться, чтобы должников своих искать.

Мысль о том, что и Ломоносов будет искать Кристину, я отмечаю как ненужную.

Уж этот хрен не будет из-за бабы левой против нашей семьи идти, если хочет здесь работать, конечно.

И спокойно ночами спать или жить, в принципе.

Прочесали все. Вокзалы, аэропорты. Поставили людей. Влезли везде, где можно и нельзя.

И что выясняется.

Вместо того, чтобы греть мою постель, Кристина прислуживает бомжам и бездельникам в богадельне.

Вот здесь я мало того, что ахринел, меня это взбесило не на шутку.

Я не против них, но пусть их дерьмо кто-то другой убирает. А моя женщина не будет марать в этом нежные руки.

И то, что она там, то, что она опять слиняла, только злит. Выводит на ненужные эмоции. Мрачные. Запретные.

Хотел же нежно, трепетно. Я бы на руках ее носил, пылиночки сдувал.

Заботиться хотел. Дура!

А она ушла от меня возиться с дерьмом. Неужели жизнь там кажется лучше, чем со мной?

Три дня на ногах, по всем богадельням, больницам и церквям.

Не выспавшись, не евши нормальной еды. А про звонки от родителей и помощника я молчу.

Бегаю за бабой.

Найду Кристину, прикую к себе наручниками, выплюсь и вот тогда начну разбираться с делами.

А еще трахну и ребенка ей сделаю, потому что довела. До трясучки. Потому что в ее забитой молитвами головушке никогда не возникнет и мысли об аборте.

А так появится еще один рычаг контроля, пока она не придет к окончательному выводу, что ей от меня никуда не деться.

Я тоже могу быть жестоким, и порой мои действия могут показаться неординарными или неправильными.

Но я же по-хорошему хотел, а она обманула и сбежала.

Я же не железный и хорошим терпением никогда не славился.

Устало тру глаза возле очередной больницы с крестом на крыше и выхожу из тачки, на слепящее солнце.

Если ее не будет и здесь, объявлю международный розыск.

Скажу, что украла у меня десять штук и убить пыталась.

И пусть попробует отвертеться. Не получится, всю жизнь будет мне расплачиваться.

Толкаю калитку, быстро оглядывая пустое пространство, и вдруг в спокойной тишине слышу истошный крик.

Меня как водой ледяной обливают. Смотрю вправо, а там возле входа священник к стене кого-то прижал.

То ли бьет, то ли насилует.

Блять!

– Руслан, – зовет меня один из помощников Ахмедова, которого мне дали в помощь. – Полицию вызываем?

– И скорую! – а то ведь и убить могу гада. Кого бы он там не тискал.

Последнее для мужика дело – бабу насильно трахать. Не можешь уложить добровольно, иди подрочи.

Подбегаю, рукой хватаю ткань рясы и тяну на себя, отшвыривая ублюдка от девушки.

А потом в лицо бледное, залитое слезами.

Кристина. Нашел.

Ох... Она стоит, вытирая лицо и ошалело на меня смотрит. Задыхается. За грудь держится, придерживая рванную кофту.

Вот же блядство.

Я оборачиваюсь.

Ломоносов, сука!!!

Как он нашел ее раньше? Возможно в нашей команде крыса.

Понимаю, что гнев начинает душить, грудную клетку сжимает, не даёт воздуха втянуть. Перед глазами пелена красная. А в висках стучит кровь.

Бум. Бум. Бум.

– Руслан, – чувствую прохладные пальцы на руке, но уже не вижу ничего кроме темного пятна, что растет и ухмыляется.

И в мозгу только одна установка. Уничтожить. Разорвать. Вырвать руки, что касались. Вырвать член и в рот грязный запихать, что встал на мое!

Мое, блять!

– Не жена она тебе, – усмехается пятно и меня больше нет.

Есть Зверь, что кидается на ублюдка, который посмел тронуть. Прикоснуться. Испугать.

Кулак разбивается о скулу, а его об мои ребра.

– А раз не жена, то и поиграть можно.

Его слова подливают масла в огонь, что и так разгорелся с неистовой силой. Контролировать себя невозможно.

– Закрой рот, – мой рык ничего для него не значит. И я бросаюсь коброй снова.

Ломаю уроду нос. Бью коленом в пах. А он как псих, только смеется с окровавленным лицом и меня заваливает наземь.

Наносит такие же жесткие удары, но мне плавать, я привык.

Тяжелый, мать твою, но я группируюсь, смотрю в сторону опять убежавшей Кристины.

Блять! Нашла время!

Этот хмырь пытается придушить, сильно сжимая горло. Хватаю камень с земли и рассекаю в кровь лицо Ломоносова. Спихиваю с себя.

Не хотел по-хорошему. Теперь в тюрьме гнить будет.

А в мозгу так и стучит: Убить. Убить. Убить!

Но эта тварь будет жить и мучиться, вспоминать меня, как страшный сон. Знать, что чужих баб трогать нельзя.

Хватаю его за шкварник и острой кромкой камня приставляю к горлу. Давлю, пока не вижу выступившую кровь и не слышу его писк.

Не было бы свидетелей, им бы и разорвал глотку. И если бы не хотел со своей скорей разобраться. Ему, считай, повезло, а то бы кони двинул прямо здесь.

– Ты сдохнешь в тюрьме за то, что тронул ее, гнида!

Мало мне было его крови, что застелила все лицо негодяя.

Хочу видеть, как он корчится от боли и начнёт умолять.

Но он лишь ядовито ухмыляется, выводя меня из себя с новой силой.

Я замахиваюсь, чтобы сделать окончательный удар и покончить с ним. Но как раз в этот момент к нам бегут парни в форме.

– Зато теперь я знаю, что бродит в ее головушке, – шепчет он, давясь слюнями с кровью. – Давно хотел себе такую игрушку. На вид невинную, но гнилую внутри.

Меня прошибает волной злобы черной. Камень в руке почти трещит, и я вновь замахиваюсь.

– Что тут у вас. Руслан Измаилов, отпустите оружие! – говорит строго один из полицейских. – Вы и так достаточно помогли.

Я бы помог, избавив общество от этого извращенца, что любит женщин пытать и насиловать.

Если бы я не успел... Даже страшно думать о том, в каком положении оказалась Кристина. Я мог потерять ее навсегда.

Она бы стала жертвой насилия и тогда бы точно никогда не приняла меня. Не смогла бы с этим жить, ведь она такая нежная и беззащитная, что скулы сводит.

– Забирайте, я за женой, – кидаю камень, еще раз глянув на лысого уроды.

– Еще увидимся!

Как приговор. А обещания я привык исполнять. Ломоносов перешёл все границы дозволенного, тронув девушку.

Мою без пяти минут жену, будущую мать наших детей!

Сука.

Срываюсь с места, выплевывая на ходу сгустки крови.

Бегу к двухэтажному зданию, чувствуя, как по венам разгоняется адреналин.

Злость ещё бьется в голове, не давая думать разумно.

Посмей только сбежать, милая.

Посмей только еще раз соврать мне в лицо.

Лучше я тебя сам убью, чем отпущу еще раз. А после сдохну и я, потому что жизнь без неё уже не вижу.

– Где! – ору я во всю глотку вахтеру, так что тот со стула грохается. Дрожит. По сторонам смотрит.

Он глазами хлопает, но все понимает.

– Комната двадцать два, – сглатывая, выговаривает он и указывает направление.

Замечательно, сейчас мы разберёмся с беглянкой, что чуть две жизни своими выходками не поломала.

Шагаю громко, чтобы слышала, что неминуемое возмездие идёт за ней.

Раздуваю ноздри, пытаюсь носом учуять свое, и поворачиваюсь в сторону нужной комнаты.

Мой топот вряд ли можно не услышать. Подхожу к двери. Пытаюсь успокоиться.

Вдох – выдох.

Сука... Не получается. Гнев душит. Почти убивает человеческое. Стучу. Ради приличия. И кто бы сомневался. Не открывает. Набираю воздуха, чтобы позвать. Но выдыхаю. И резким ударом ноги выбиваю хлипкую дверь. Два шага. Что за... Никого.

Кровать заправлена. Вещей нет. И только окно на распашку. И ветер вперемишку с солнцем в лицо бросается и штормки колыхаться заставляет. Подхожу ближе.

Неужели старик обманул?

Да, не... Перед страхом смерти не обманывают. Выглядываю в окно и вдыхаю знакомый запах лавандового мыла. Голова вправо и судорожный вдох. Вот же дрянь! – Не страшно? – спрашиваю Кристину, что стоит на карнизе и балансирует на грани жизни и смерти. Она качает головой и вся дрожит. Ну что за баба неумная. Высовываюсь и двумя руками под колени хватаю. – За плечи. Крепко, – с рыком и лучше не смотреть вниз.

А если бы упала? А если бы шею сломала? До сих пор не поняла, что она для меня значит. До сих пор не поняла, что не сбежать? Втаскиваю ее в комнату и иду закрывать двери. – Что ты... – голос дрожит. Сумку к себе прижимает. – Что ты делаешь? А я стягиваю промокшую от пота футболку. Начинаю расстегивать ремень. Сам удивляюсь, как мне удается делать это спокойно. В паху горит от предвкушения.

Хотел ведь нежно! Хотел осторожно к себе приучать! – Руслан! – Раздевайся! – Зачем?! – Раздевайся, пока не порвал все. – Я не понимаю, – ее начинает трясти, а зубы стучать. – Руслан, пожалуйста... Но я не поддаюсь. Снимаю брюки и остаюсь в трусах.

Взгляд на голые ступни. – Раздевайся, Кристина. Беременной делать буду, чтобы больше не сбежала...

Глава 1

Я никогда не любила драки.

Старалась не смотреть, когда отец включал бои без правил по телевизору, сидя с банкой пива.

Уходила, если во дворе дрался брат. И всегда избегала людей, склонных к насилию.

Тогда почему сейчас я как заколдованная смотрю на бойню, что устроили двое огромных, потных мужчин посреди комнаты?

И почему я вижу в этой потасовке только одного.

Высокого, под два метра ростом, с широким разворотом плеч.

Бородатого.

С венами, что пересекают мышцы рук, и торсом, на вид тверже, чем гранит.

На, словно вытесанном из камня, лице звериный оскал. Не человек, а машина для убийств.

Кажется, что он готов сожрать противника живьем.

Его взгляд пугает. То, как на его лице проскальзывает дьявольская ухмылка, когда его кулак врежется в противника.

Ему это очень нравится.

Страх омерзительными, скользкими нитями овивает мое напряженное тело, тянется к горлу. Вместе с моей рукой.

Боже!

Дайте пульт, я выключу программу "В мире животных" и включу культуру.

Потому что, судя по стальным кулакам и скверной речи, эти мужчины о ней даже не слышали.

Я уже жалею, что приехала помочь подруге – Кате – справиться с ее чувствами к ее двум подопечным.

Я уже жалею, что разбудила ее среди ночи.

Но я не могла иначе, на первом этаже что-то оглушительно разбилось, что напугало меня до чёртиков и дрожи в коленях.

Но самое главное, я жалею, что не надела халат на тонкую сорочку на бретелях, потому что этот Зверь, по другому его не назвать, внезапно замечает меня.

Простую, скромную, набожную, совершенно не приметную в сравнении с той же яркой Катей.

Он цепляет меня зорким как у орла взглядом ровно в тот момент, когда голос Кати останавливает бой.

И его бешеные глаза ставят меня в тупик, а нездоровый блеск в них пугает не на шутку.

Пока я пытаюсь восстановить дыхание, боец скалится, вынуждая мое сердце рваться из груди. Потом делает ко мне уверенный, огромный шаг.

Мамочки! Помогите!

– О, шлюшек подвезли, – гогочет он, а у меня мурашки потом по спине стекают.

Тело в дрожь захватывает. Я издаю крик, когда он разом берет меня в охапку.

Как тряпичную куклу.

Зажимает в своих огромных руках.

Запахом своим острым обдаёт. Мужским, диким. Обволакивающим каждую клеточку крови.

Подавляющим, будоражащим вкусовые рецепторы.

И ладно бы просто смотрел, так он целует!

Целует!

Тараном прошибает языком мои губы. До дна выпивает скромность.

Заставляет почувствовать себя женщиной. Настоящей. Живой. Грешной.

Я ощущаю себя крохотной в его медвежьих объятиях.

А поцелуй все длится и длится, словно кто-то поставил на повтор. И я уже задыхаюсь, не веря, что это происходит со мной.

Что я целуюсь посреди чужой, уничтоженной гостиной с совершенно незнакомым мне мужчиной. И как целуюсь.

Не целомудренно, а грязно. Порочно. Дьявольски.

Первый поцелуй должен быть похож на закат. На детский смех. На первую каплю росы.

Я так всегда и думала, когда в ночи представляла, как оно случится с будущим мужем.

Только с ним!

А то, что делает с моим ртом это дикое чудовище, больше похоже на адский котел с кипятком. На что-то поистине порочное.

Я сейчас в нем сварюсь. От собственного стыда.

Потому что мне нравится то, что незнакомец делает своим языком. Вылизывает полость, не дает даже лишний глоток воздуха сделать.

Позволяю ему с собой это делать, но не отвечаю.

Не могу пошевелиться, продолжая болтать ногами в его огромных ручищах и смотреть в его закрытые глаза.

В немом шоке, как будто этот поцелуй не первый. Как будто незнакомец делает так каждый день.

Как муж. Как судьба.

Да еще с такой страстью, словно мы готовимся разделить прямо сейчас брачное ложе.

Но в миг порочное волшебство рассыпается, когда две огромные лапы сжимают меня ниже поясницы.

Я вскрикиваю от испуга!

Его ладони опаляют кожу тысячами огненных иголок.

Щеки в момент начинают гореть.

И это видят ВСЕ!

Какой же позор!

Неожиданно даже для самой себя бью коленом в твердый пах и срываюсь на бег.

Слышу подбадривающие крики Кати и мужской гогот.

Сердце бьется в груди, готовое выпрыгнуть. В голове неразбериха.

А время, как будто останавливается.

Зачем я оборачиваюсь? Зачем?!

Зачем смотрю на замершего Зверя. Зачем даю понять, что поцелуй мне понравился, и только напор испугал.

Он с поистине страшной, хищной ухмылкой срывается с места, как сверхскоростная машина. Это даже удивительно для его комплекции.

Я кричу и ускоряю бег.

Но почему мне кажется, что это бесполезно.

Что, как далеко не убегай, теперь этот топот тяжелых ног будет неотступно преследовать меня вечно.

Во сне. Наяву.

Кажется, если я не спрячусь, он меня сожрет на десерт. А я не хочу быть съеденной. Жить хочу!

Я заскакиваю в ближайшую комнату, хочу захлопнуть дверь, но нога в кроссовке не дает.

Зверьё проскальзывает внутрь, как огромная тень от горы. Теперь нависает, пугает, как чудовище во мраке.

Его напор сбивает с толку. И я должна бояться, а я только трепещу.

Дурочка. Отчего-то знаю, что он вот такой громадный, но не обидит. И в обиду не даст. Кого угодно, но не меня.

Как можно думать такое про этого монстра, что пугает выпуклыми венами и разводами крови на теле?

Наверное, я излишне все романтизирую.

– Иди сюда, трахать тебя сейчас буду.

Глава 2

Он наступает, расстегивая ширинку. А я яро качаю головой, стараясь не смотреть вниз, туда, где гремит пряжка ремня.

– Нельзя. Нельзя.

Он же незлой, наверное? Чего он хочет от меня?

То есть, я не дура, понятно, чего он хочет.

Но не вот так же сразу. Без имен. Без пожатий руки.

Я его не знаю. И не хочу я так, вот сразу... Наверное... Не хочу же?

Не возьмёт же он незнакомую девушку силой?

– Иди сюда и прими меня, – рычит в мою сторону. А пока я продолжаю качать головой, осматривает тело с долей недовольства и раздражения. – На тебе слишком много одежды. Мне не нравится.

Все ещё не могу поверить в то, что он говорит серьезно.

Это шутка. Просто шутка!

– Ты же огромный! Не подходи! – взвизгиваю, когда он снимает джинсы, оставаясь только лишь в боксерах.

Я стараюсь не смотреть на него, но он такой большой, что это сделать просто невозможно.

Взгляд все же проворно скользит по его телу, а стыд опалает щеки.

Так много рельефных мышц, обрисованных множеством татуировок. Никогда такого не видела.

Таких даже в кино не показывают. И это пугает. Особенно то, что выделяется в трусах.

Это не половой орган. Это божье наказание.

Как это вообще может поместиться в женском теле и не разорвать на части.

– Не подходи, – часто дышу я, прижимая руки к груди и резко кричу, когда он сдергивает трусы, демонстрируя мне свое оружие. – Ты убьешь меня!

Пока я хватаюсь за горло и пытаюсь хоть немного восстановить дыхание, он пронзает своим порочным взглядом.

Опасное, страшное чудовище.

Только почему в груди так щемит. Почему я не могу оторвать от него замороженного взгляда.

– Я идеально тебе подойду, мой Ангел. Войду ровненько, как сарделька в булочку, – хохочет он на мой крик.

Закрываю лицо ладонями, не веря, что он это серьезно. Он такой грубый.

Слышу шорох и сквозь пальцы смотрю, как он делает резкий шаг, хватает в охапку.

Прижимается к животу своей раскаленной кочергой.

Боже, помоги. Не дай поддаться дьявольскому соблазну, принявшего облик этого мужчины.

Я должна хранить своё целомудрие, а сама трепещу перед ним, готовая вкусить этот грех. Это все из-за его энергетики.

– Ты только потрогай его, – пьяно шепчет мне в макушку, руку мою обхватывает и тянет вниз, проводя по своей груди.

Я замираю, неожиданно ощущая в своей ладони нечто похожее на бархат. Сердце делает кульбит, а дыхание спирает.

Он словно сталь, обтянутая тканью. И только я шумно выдыхаю воздух от восторга, открываю глаза, как в губы впечатывается чужой рот.

Или... уже не такой и чужой.

Сминает мои губы, притягивая одной рукой за затылок, второй направляет движение моих пальцев.

Тело, никогда никем не тронутое, не испытывающее до этого никаких волнений, покрывается мелкой дрожью, и я медленно, медленно, подстраиваюсь под ритм его языка и рук.

Пытаюсь делать все правильно, просто следуя за мужчиной.

Чувствую себя настоящей женщиной, искусительницей. Центром его вселенной.

Он так прижимает к груди, так властно трогает тело, что в груди разгорается пожар.

Пусть даже пахнет пивом, которое так ненавижу, пускай даже руки грубы и невоспитанны, и уже забрались под сорочку и начали мять попу.

Одновременно страшно и трепетно. И отбиваться все равно бесполезно, словно вот она – моя судьба.

Настигла, поразила, заставила себя принять.

Я уже понимаю, что это неизбежно, что он возьмёт, что хочет. От него не сбежать, не скрыться.

Зверь – он найдёт.

Но стоит ему оставить мою руку без поддержки и коснуться кустика волос между ног, как снова страх и отторжение взмывают вверх.

Я отталкиваю его, кричу, но сама, не соображая, как, падаю на кровать.

А он стоит сверху, как некое божество, против которого нет оружия. Потому что он уже навострил свое.

И он в его огромной руке, вибрирует, словно в нетерпении пронзить меня насквозь.

– Нравлюсь тебе, мой Ангел? – спрашивает он, и я вру, качая головой. Сама не знаю, почему. Он хмыкает, валится под мой крик сверху. Но не прижимает, а вес на руках удерживает, так, что вены только сильнее выделяются на его больших руках.

Я задыхаюсь от страха, пока он смотрит мне в глаза и тянется к губам.

Да, отлично. Поцелуи – они же безопасны?

Отвечаю. Наслаждаюсь тем, как нежно он елозит языком во рту, как пытается меня отвлечь, пока его рука между ног.

Щипает волосики и почти касается кончиком пальцев розовой девичьей плоти.

И все это так грязно, так волнующе, что тело покрывается жидким металлом.

Жар проникает прямо в сердце. И я задыхаюсь, пока он показывает мне всю сладость греха. Пока кидает нас двоих в этот котёл.

Боже, никогда бы не подумала, что такое обращение может понравиться.

Никогда не предполагала, что такой мужчина будет делать со мной подобное. Кидать из холода в жар.

Делать такие аморальные вещи, от которых пальчики ног сводит в судорогах. Вызывать восторг и в то же время пугать.

В голове образовывается легкий туман, но стеснение продолжает жалить прямо в душу.

Его голова уже на груди, зубы рвут ткань сорочки, и я задыхаюсь от силы ранее неведомых чувств.

В животе все переворачивается верх дном, когда губы жалят сосок. Заставляют вздрогнуть под ним. Причмокивают.

Эти звуки сводят с ума. Его рычание, тяжёлое дыхание и похабные словечки, от которых уши в трубочку сворачиваются.

Я кричать должна, о помощи просить, спастись, а я только по голове его глажу, принимая все, что он захочет дать.

Принимаю свой рок. Это неизбежно.

Он приподнимается, смотрит устало, еле держа глаза открытыми, нахмуря густые брови, пока я изучаю его не самое красивое лицо.

А оно и не должно таким быть. Он же мужчина. Красивые мужчины дьяволы.

А он мой бог.

– Малыш, я после боя, – говорит он еле разборчиво. – Но и хочу тебя безумно.

Чувствую, как мужчина обмякает, все сильнее наваливаясь на меня, придавливая своей массой.

Видимо он все же сильно пьян, хотя минуту назад еще таким не казался.

– Ты, наверное, устал? – спрашиваю я, думая, о каком же бое идет речь. Наверное, не о той потасовке, что я видела внизу. – Может поспишь?

– Хорошо. А завтра мы продолжим.

Смеюсь, мне кажется, у меня и выбора-то больше не осталось.

Киваю и чувствую, как он положил мне голову на грудь и предупредил.

– Ты тоже спи. Силы тебе понадобятся.

И когда я уже расслабилась, улыбаясь собственным мыслям, дверь с грохотом раскрылась, впуская еще двух пьяных мужиков и взмыленную Катю.

Как же я ее в этот момент ненавижу.

Особенно, когда она начинает кричать, а мужики стаскивают с меня Руслана. Уносят, а я, теряясь от собственных чувств, прячусь под одеяло.

Хочу сказать Кате, что ничего страшного не произошло, но она все равно кричит, тащит меня в другую комнату и ложится рядом.

Единственный раз, когда я смогла подать голос, это когда она назвала моего Руслана уродом.

– Он не урод.

Глава 3

Все-таки засыпаю.

С тихой, надеюсь незаметной улыбкой на губах, думая о том, что сейчас бы спала с Русланом рядом. Со скалой из тугих мышц.

С диким, очень опасным зверем.

Горячим. Как огромный генератор тепла.

Да, с ним было бы очень тепло.

Почему-то снится мне пустыня. Жаркая. Иссушенная. И я в ней одна.

Брожу, зову Катю, Руслана, но никто не откликается. А источник воды так далеко, что до него не дойти.

Чувствую боль в ногах и вижу, что от потуг стерла их в кровь.

Просыпаюсь резко от стука в дверь. Снова?

– Катенька, открой дверь, – слышу голос одного из ее мужиков. Не понимаю, как можно любить двоих. – Мы пришли извиниться.

Странно это.

Любовь – она ведь между двумя. И словно отражение моих мыслей, рокошующий голос Руслана:

– Я тоже зайду. Я тут с подарком из твердых сортов.

Он смеется.

Да так громогласно, что у меня мурашки по позвоночнику несутся к пояснице, обхватывают тугим обручем низ живота.

Хотела бы я посмотреть. То есть на его подарок.

Да, но я никому не скажу. Потому что нельзя из скромной рабы Божьей сразу превратиться в развратницу.

А именно такие желания, порочные, грязные, вызывает у меня только один его голос.

Только его похабные словечки.

Один лишь он.

Впервые я столкнулась с такими чувствами, и куда спрятаться от них не имею понятия.

Именно поэтому я, не готовая к такому всплеску запретных эмоций, зарываюсь под одеяло и прошу, чтобы они ушли.

Сейчас да. Завтра... Даже не знаю, что будет завтра. Как я смогу смотреть ему в глаза и увижу ли его вообще.

– Они сейчас уйдут, – рычит Катя и вскакивает с кровати.

– Катя, а у нас целых два сорта. Все, как ты любишь! – кричит другой ее мужчина, и мне становится тошно, если только представить, как прекрасное, волшебное, чистое единение тел и душ может нарушить кто-то еще.

Неужели Катя после такого не чувствует себя грязной. Оскверненной.

Словно кто-то третий подсмотрел за ней в душе.

Или трогает ее белье.

Может быть она сама не понимает, чего хочет.

Может быть я как настоящая подруга должна ей помочь встать на путь истинный.

Должна ей объяснить, что любить двух неправильно.

Она должна выбрать одного, ведь мучаются они все втроём.

Мне кажется, разговор должен помочь.

Катя прислушивается к голосам парней, что отдаляются.

А я прячу за волосами улыбку, когда слышу Руслана, который убеждает кого-то, что стоит ему войти, как он начнет извиняться.

Причем языком.

Странно, зачем это уточнение.

Ясно же, что извиняются языком, когда произносят слова.

Это, наверное, какой-то юмор не понятный для девушек. Хотя Катя закатывает глаза на их разговорчики.

Парни вернулись, долбанули последний раз в дверь и все-таки затихли, а мне в голову приходит дичайшая идея.

Но я должна ее озвучить.

Должна помочь подруге спасти ее душу от разложения.

А оно непременно наступит, если она останется в этом доме, сжигаемая огнем двух мужчин, которые так и будут тянуть ее каждый на себя, как одеяло.

Катя ведь она маленькая, хрупкая, она не выдержит долго такого давления.

Она должна уйти.

Но вокруг охрана, парни почти не сводят с нее глаза, значит нужен план.

Нужна обманка.

Тем более, что Катя сама заявляла о своем желании покинуть отчий дом и своих охранников, которых ей завещал умерший генерал.

– Катя, – спрашиваю тихо, чтобы она не испугалась, пока прислушивается к голосам за дверью. – Ты все еще хочешь уйти отсюда?

Глава 4

– Хочешь вместе, – тут же радуется она, но я хочу дать ей реальный шанс. А вместе нас тут же загребут.

– После такого разгрома у меня есть веская причина уйти, не находишь? Значит у тебя есть возможность без проблем вырваться на волю.

Вижу, что Катя не понимает меня.

Как будто не по-русски говорю.

– Крис, я что-то туплю. Давай конкретней. К чему ты клонишь?

Ну, как маленькая. Все же просто, – раздраженно вздыхаю я на свои мысли и показываю, чтобы села рядом.

Вдруг тут жучки там всякие, как в кино.

Лучше, если нас не подслушают.

Я рассказываю про то, как нам с ней поменяться местами. Это же гениально!

Она найдет парик цвета моих волос, у нее точно должен быть.

Девушка раньше часто в принцесс играла. А они по большей части блондинки.

Я, конечно, не принцесса, родилась не в той семье, но волосы вполне подходят.

Затем она наденет мою одежду.

Она у меня благо до самых пят.

Размер у нас один почти, только у меня грудь побольше.

Так что, если сделать все по-умному, то уже через пару часов она сможет снова стать собой, где-нибудь в городе.

А я... А я спокойно оденусь в ее джинсы, свитер и просто выйду после обеда.

Надеюсь, ее мужики меня не убьют. Хотя верится в это слабо, ведь они за неё готовы на многое.

И самое интересное, что сделает Руслан, когда узнает, что лже-Кристина ушла. Поедет ли за мной.

Показалась ли мне сегодняшняя искра, проскочившая между нами?

Или это все зов плоти, обуявший его после потасовки.

Все потому что я была единственной свободной девушкой? Или потому что это была я?

Готов ли он к отношениям, или все закончится моим позором, когда я не смогу совладать со своим телом и отдамся ему.

Почему-то в этом я не сомневаюсь. Впервые я осознаю своё поражение. То есть, конечно, я против таких скоротечных отношений.

Но этот мужчина...

Как бы не была сильна воля моей души, он тараном пробивает ее, открывая во мне новые грани желаний.

И я теряюсь.

Как быть. Бежать к нему или от него.

Посмотрим, что покажет нам следующий день. Может он даже и не вспомнит, что ночью чуть не взял силой.

Катя очень долго обдумывала, стоит ли нам идти на такой риск, но все же согласилась.

Она пришла к выводу, что раз не может выбрать ни одного из мужчин, то уйти лучший выход.

Так что, проснувшись на утро, все подготовив, она пошла вниз.

Последний раз взглянуть на своих любимых нянек, подлечить их после бурной ночи и сказать, что я уезжаю.

Они будут думать, что уехала я.

Все очень просто.

Только, что ее, что меня пугали последствия нашего поступка.

Мы не могли собраться с мыслями, словно в мозгу сидели сотни ангелов, которые уже убили дьяволят и громком вопили: «Одумайтесь».

– Кать...

– Мы уже все решили. Иди пока в ванную, а я вниз. Надо немного их отвлечь.

И я сделала, как она сказала.

Пошла в ванную, чтобы принять душ. Их здесь было три.

Две на верхнем этаже. Одна внизу.

Мельтешить внизу я не решилась, так что отправилась в одну из ванн, что располагались вдоль длинного коридора, по которому я вчера убегала.

Но стоило мне подойти ближе к двери, как я слышу шум воды и замираю.

Смотрю по сторонам и слышу, как внизу переговаривается Катя со своими мужчинами, а я здесь.

Значит и Руслан здесь.

Я часто дышу, осознавая, что подглядывать нехорошо.

Вчера я уже его видела.

Но тело само толкает меня на проступок, и я шагаю ближе.

Вплотную.

Открываю дверь и смотрю в проем, туда, где за прозрачным стеклом виднеется огромный силуэт обнаженного мужчины.

Ох, Боже...

Он подставляет свое лицо струям воды и что-то напевает.

Страх, волнение, предвкушение скручивают внутренности спазмом, и я задыхаюсь.

Задыхаюсь. Но продолжаю глазеть на этого зверя, по телу которого стекают мыльная пена и капли воды.

Этот великан – он великолепен.

Но помимо шума я слышу его тихий голос. Словно колыбельную.

Он поет?

Боже, он и правда поет в душе.

И я прислушиваюсь с улыбкой, переступая с ноги на ногу, чтобы не рвануть ближе и не опозорить себя окончательно.

А он поет незнакомую мне колыбельную.

Это просто нереально.

И я закрываю глаза от восторга, когда слышу среди незнакомых слов «ангел, мой белокурый ангел».

Глава 5

Слушаю и чувствую волнение, что узлом стягивает низ живота. Почти задыхаюсь, когда песня кончается.

Словно крылья ангела слетели, чтобы явить миру настоящий облик Руслана.

Порочного. Распутного. Невыносимо будоражащего.

Он выключает воду, потянув рукой рычаг, а зачем скользит ею по телу вниз, находит что-то между ног и сжимает челюсти.

Не могу понять, как колыбельная могла его возбудить.

А самое главное, почему я продолжаю глотать ртом его обжигающий аромат и наблюдать, как он скользит рукой по огромному половому органу.

Почему я ещё не убежала. Ведь мне этого видеть нельзя.

Вот он чуть поворачивается ко мне, и я почти не дышу, наблюдая сквозь запотевшее стекло очертания его мужской силы, словно уже готовый ринуться в бой.

Ринуться на меня и в меня.

Тело наполняется негой предвкушения, внизу живота заполняется тянущей сладостью, а между ног неприлично пульсирует.

Возбуждение?

Как же стыдно, как же неправильно стоять здесь и пялиться на чужого мужчину.

О, Боже!

А вдруг он женат?

А вдруг он даже не собирался после этой ночи на меня смотреть.

А вдруг так много, что становится гадко. И нужно прямо сейчас оторвать взгляд, прямо сейчас уйти, но я продолжаю пялиться.

Продолжаю сглатывать вязкую слюну, наблюдая, как капли воды стекают по стеклу душевой кабины.

Как огромное тело напряжено, а рука терзает себя все быстрее.

Кажется, в этом мире нет ничего порочней этого мужчины.

– Зайди сюда и помоги мне, – врывается в пропитанное похотью, как сиропом, густой голос, и я вскрикиваю.

Пячусь и захлопываю дверь. Держу на груди руку, пытаюсь остановить сбившееся дыхание.

Он знал, что я наблюдаю!

Знал, что увиденное меня не оттолкнуло, а наоборот – захватило. Да так, что колени дрожат, а в голове сладостный туман.

Что он теперь подумает обо мне?

Не хочу об этом знать.

Бегу в другую ванную и тут же закрываюсь, прижимаюсь спиной и часто дышу.

Это было ошибкой. Нельзя вот так подглядывать за мужчинами. Нельзя.

За мужем можно, за незнакомцем нет. А незнакомец ли он?

Он уже целовал мои губы. Я млела в его сильных руках. Я знаю запах этого больного мужчины.

Он пахнет опасностью. Дикостью. Силой.

Так, как пахнут мужчины из средневековья. Ну или должны.

И крик вырывается из горла, когда дверь сотрясается от громкого стука.

– Ангел, – слышу его голос и замираю, словно по воле приказа.

– Что?

Тишина. Но я знаю, что он стоит там, слышу его громкое, тяжёлое дыхание, от которого мурашки по коже. Он как дикий зверь на охоте. Затаился.

– Открой дверь. Мне нужна твоя помощь.

Эта фраза странно, но вызывает улыбку, а душа наполняется щемящей радостью.

Он это мне?

– Вы вроде бы и сами неплохо справлялись.

Господи, прости. Это я сказала? Почему я это сказала? Это все Катя и ее влияние.

Или может это мои гормоны зашалили? Но с чего бы. Раньше такого за собой не наблюдала.

– Только потому что ты смотрела, – говорит опасно тихо, но от этого не легче.

Эта дверь кажется крепкой, надеюсь она спасёт, меня от помешательств монстра.

– Я не...

– Никогда. Мне. Не лги, – рычит он и дергает ручку двери. – Открой дверь, пока я не выломал ее!

– Не надо, Руслан, – шепчу, но так, чтобы он услышал меня. – Вы гость в чужом доме. Одну дверь и так по вашей милости уже выломали.

Напоминаю ему о нашей ночи. Сразу ощущая стыд, что начала разговор об этом.

Он же мог и забыть... Или нет?

– Дебилы невоспитанные, – гремит он голосом, и мне хочется рассмеяться. Вместе с ним. В голос. Смотря в черные, как Варфоломеевская ночь, глаза. – Ангел. Скажи хоть, как тебя зовут.

– Зачем тебе мое имя? – спрашиваю еле слышно, дрожа всем телом и разворачиваясь лицом к закрытой двери.

– Должен же я знать, как будут звать мою жену.

Слова пронзают прямо в сердце острой стрелой. Кладу ладошки на дверь и прижимаю к ней лоб.

Чувств во мне так много, они так щекочут внутренности, что хочется то ли рассмеяться, то ли заплакать.

От неведомого ранее блаженства. Или от шока.

– Руслан, – не верю я своему счастью, но вспоминаю, что прежде всего нужно помочь подруге. А только потом думать о себе. – Уйди, пожалуйста. Мне нужно помыться.

Это так порочно звучит рядом с ним, что я с ног до головы покрываюсь смущением.

– Я могу потерять тебе спинку.

– Только после свадьбы, – шучу я и улавливаю молчание. – Меня зовут Кристина.

За дверью раздаётся хриплый смешок, а потом уверенное:

– Договорились. Но не надейся, что я буду долго ждать.

Ждать. Кажется, такой мужик не знает значения этого слова.

Конечно, он не будет долго выжидать.

Он возьмёт то, что хочет, когда ему угодно. И этот напор в нем вызывает легкое волнение.

Он ушел, а у меня до сих пор в голове звон стоит от собственной смелости.

Я ведь никогда такой не была.

Никогда.

Рядом с мужчинами вообще рот открыть боялась, а тут...

В меня как будто вселилась другая девушка. Которую я совсем не знаю. Очень смелая, дерзкая и знает, чего хочет.

Она классная! И она мне очень нравится.

Нравится, что тело отвечает на Руслана, словно тянется к нему магнитом.

Да, мы будто одно целое.

Два разных человека, что в огромном мире нашли друг друга.

Как бы страшно об этом не было бы думать. Но... Кажется, он моя судьба.

Глава 6

Недолго думая, Катя в моем облики выходит через задний двор. Как и планировали.

Единственное, что я ее попросила. Это не попадаться Руслану на глаза. Потому что тогда наш план провалится.

Он сможет различить меня и Катю.

Впрочем, пришедшие спустя пару часов Ренат с Захаром тоже смогли.

– Где Катя? – тут же с порога начинает орать Ренат, и я ежусь от страха.

Если вчера я знала, что Руслан мне ничего не сделает, то за этого человека отвечать я не могу.

А их двое.

– Где Катя?! – орет на меня и Захар, а Ренат за ткань кофты тянет, в глаза взглядом впивается, и я кричу от страха.

Не могу я предать подругу. Она рассчитывает на меня. Она просила молчать.

Но разве я могу противостоять двум ее мужчинам, что готовы замучить меня на месте, лишь бы узнать местонахождение своей женщины.

Тут в комнату влетает Руслан и, хмурясь, рассматривает представшую экспозицию. И ему не нравится то, что он видит.

А мне страшно, что может начаться бойня. Потому что его взгляд не предвещает ничего хорошего.

Смотрю на него умоляюще, надеясь, что он не будет злиться на меня за ложь.

Но он все равно выглядит разъяренным, странным, пугающим.

Только вот идет не ко мне, а к Ренату, что держит меня, выворачивает ему руку и шипит в ухо.

– Тронешь ее еще раз и руки у тебя не будет. Потерял свою бабу, сам и ищи. Набери Ахмеда, если сам не справляешься. Кристина, – поворачивает он ко мне свое лицо, и вижу, что смягчается моментально. Но хочет сказать что-то серьезное. – На чем поехала Катя?

Я должна молчать. Для чего вообще был этот план, если я так легко предаю подругу.

Но мужчины как-то бурно реагируют, и мне кажется, что предостережения Кати о грозящей ей опасности не пустой звук.

У ее отца были враги. Оставили ли они идею отомстить ей?

А если она попадет в беду?

Я не смогу нормально спать, зная, что она пострадала из-за меня.

– На автобусе, – обреченно отчитываюсь я. – Куда – не знаю.

– Верю, мой Ангел, – кивает Руслан, и я облегченно улыбаюсь.

Он все решит. По-другому и быть не может.

Это мужчины Кати ведут себя как дети, а мой...

Стоп.

Почему я считаю его своим?

И почему каждый раз, когда он называет меня Ангелом, я вспоминаю отца, отошедшего в мир иной, когда мне было десять.

Папа был для меня героем, который пострадал во время полицейской перестрелки.

Он просто защищал свой товар в круглосуточном ларьке. Но обернулось все плачевно.

Он тоже меня так называл.

Теперь в моей жизни появился новый герой.

Да, большой и грозный.

Но со мной этот медведь другой. И я верю, что он не может меня обидеть.

Даже сейчас, когда его взгляд темнеет, челюсть напрягается, а между ног разбухает что-то огромное. И в комнате резко меняется энергетика.

Она становится более яростной, немного давящей.

Такой, что маленькие волосики на руках становятся дыбом.

Даже не заметила, как мы остались наедине. А рядом кровать, что хранит еще прелесть утренней неги.

Такая мягкая и удобная. И он смотрит сначала на меня, после на неё.

Хмурится, словно что-то обдумывая в голове.

Я, познакомившись с ним немного поближе, понимаю, какие у него намерения на мой счёт.

Себя нужно спасать, пока не поздно.

– Хочешь, сделаю тебе чай? – спрашиваю, чувствуя жар во всем теле, особенно в области груди и щек.

Но мне нужно охладиться.

Мне нужно отвлечься от томящегося во мне желания покориться этому чудовищу.

Лечь под него.

Потому что так нельзя. Не узнав друг друга. Не поговорив по душам.

Я не должна поддаваться соблазну.

Он прочищает горло, делает шаг ко мне, словно ведомый жадой, но останавливается, опуская руки вниз.

Тяжело вздыхает и угрюмо кивает.

– Я бы хотел кое-что другое, но пока сойдет и чай.

Глава 7

Руслан.

Чай? Seriously? Мы на каком-то детском утреннике?

Кто за язык меня потянул согласиться.

Я бы лучше рассказал, как будут закатываться глаза чайного цвета у этой крошки, когда буду долбить ее девичье нутро.

С Кристиной рядом я чувствую, что должен вести себя культурно.

Быть хорошим мальчиком, чтобы произвести на неё впечатление.

А на самом деле...

Нужно всего лишь подойти сзади, обнять руками тончайшую талию, перекинуть лунный шелк волос на одно плечо и лизнуть другое.

Целовать до того, пока малышка не задрожит в моих руках.

Пока не испустит благодарный стон, облокотившись на мое плечо, и ее глаза не станут стеклянными.

Прижать к себе крошечное тело, потереться пахом между ее упругих булок.

Что может быть ещё лучше?

Порвать ляжку на майке и обхватить два мягких молочных полушария, что вчера так отлично в меня вжимались. Терлись.

Эти сисечки идеально смотрелись в моих более темных руках, они казались белоснежными.

И это было чертовски великолепно.

Я совру, если скажу, что не перевозбудился от этих воспоминаний.

Хочу ещё.

Всего лишь нужно нагнуть крошку и стереть из ее сознания все мысли о невинности и стыде.

Избавиться от этой стены между нами.

Потому что со мной ничего этого не будет. Будет жадное желание слиться воедино в любое время. В любом месте. Когда я того пожелаю.

Отказы приниматься не будут.

Даже на чужой кухне, где можно содрать с нее остатки тончайшей майки.

Сдёрнуть эти обтягивающие джинсы и пальцами найти влажную киску, розовую, сладко пахнущую.

Истекающую и жаждущую своего хозяина.

Такую тугую, что выть захочется, когда засажу по самые помидоры.

Она будет кричать.

Когда членом по влаге пройдуся, пальцами дырку растяну, чтобы не больно было крошке, чтобы хоть каплю удовольствия получила.

Или пальцами сначала? Кажется, так будет правильней.

Она достойна нежного обращения к себе.

Никогда этим дерьмом не занимался. Даже не думал, что мысли такие возникнут.

Просто нагибал и трахал. Механический процесс, очень простой и безэмоциональный.

Девки же жадные до бабла и крепкого члена сами прыгали. Верещали, жопой крутили.

Ну я и брал.

Но эта крутить не будет. Эта другим лыком шита.

Ангел даст мне все сделать самому.

Верней, это я должен сделать все сам.

Наверное, придется сначала отлизать ей, чтобы лучше меня приняла. Языком внутрь чввинтиться, увлажнить тугое местечко, облизать тягучку.

Сладость.

Какая она на вкус? С солью как сыр? Или сладкая как сахарок, которым я лошадей кормлю в конюшне.

В голову сразу врезаются образы меня с ней, то, что мы делаем.

Возьму ее с собой, посажу на коня и увезу туда, где никого не будет рядом.

Сначала она будет звонко верещать от радости.

А потом...

Чуть над лошадью нагну, чтобы за седло держалась и белье к чертям порву, чтобы прямо там смогла меня принять.

Всего. Без остатка. Без возражений. Ножки чуть раздвинуть зазывающе. И принимать то, что ей дают.

Чтобы скачки помогали ей чувствовать мой размер. Каждую вену. Каждый толчок.

Чтобы кричала на всю округу, чтобы по имени меня звала.

А я рывком верхнюю одежду сорву и...

– Тебе черный или зеленый? – слышу не крик, а тихий рокот, вырывающий меня из фантазий.

Киваю.

То есть... Что она там спросила?

– Черный давай. Зеленый педики пьют.

– Я люблю зеленый, – говорит она, и тонкие пальчики обхватывают ручку чайника.

Как бы могли сейчас обхватить мой ноющий по ней ствол.

Ее слова забавляют. А в голове у меня ни одной здоровой мысли.

Ты можешь, крошка, любить все, что угодно, но очень скоро ты полюбишь вкус моей спермы, которой я буду регулярно тебя кормить.

В этот сладенький ротик прыскать, который она так смачно облизывает, опуская глаза в пол.

О, черт, зачем она это делает.

Только же сильнее заводит и так голодного зверя.

Жарко стало. Душно.

А это ведь мы даже не сняли одежду.

Кажется, она понимает ход моих мыслей, раз на щеках так много румянца. Раз глаза продолжает прятать.

Ничего, скоро я сотру это стеснение с ее лица.

Она стоит напротив меня с подносом, я обхватываю её прохладные руки и долго не выпускаю из плена.

Смотрю, как темнеют ее ярко карие глаза. Они мрачнеют, пока поглаживаю большими пальцами тыльную сторону ладони.

Чувствуешь, Ангел, мое желание? Насколько сильно я хочу тебя получить. Чувствуй, потому что скоро я буду тебя брать. Жестко, долго и грязно. Как муж берет свою собственность.

А пока я могу и поиграть роль джентльмена.

Даст после свадьбы?

Да не вопрос.

Уже завтра поедем и распишемся, делов-то. Это меня не пугает ни капли.

Чтобы ночью ты осознала, на что подписалась, когда случайно встретила на моем пути.

Я своего точно не отпущу.

Главное, ещё немного терпения. Не нападать прямо сейчас и не пугать малышку.

Хотя очень хочется показать ей всю силу возникшей страсти.

Пускай думает, что я добрый здоровяк.

Глава 8

– Давай сядем, а то чай остынет, – прячет она улыбку и запоздало отдает мне поднос.

А я только и думаю, что сесть она должна на мой член. Прямо сейчас. С размаху.

Чтобы от крика в ушах звенело.

Чтобы от возбуждения яйца горели. Чтобы член обволокло тугой патокой, чтобы двигаться можно было в кайф.

Туда-сюда. Вверх-вниз, и по телу ее влагу размазывать.

Соски тянуть, до оргазма малышку доводить.

О, мать твою, да. Это то, что нам нужно прямо сейчас.

Ставлю поднос на дубовый стол в этом современном храме интерьера.

Осматриваю новенькую кухню и понимаю, что вот у меня в доме все намного проще. По-мужски что ли.

Дом – моя холостяцкая нора.

Я так привык. Без излишеств. Иметь самое необходимое.

Огромный участок, достаточно большой дом из бруса возле черты города.

Ничего из ряда вон выходящего: стены светлые, камин, перед ним ковер, на котором я буду совершенно традиционно драть Кристину раком.

Представляю, как идеально она будет там смотреться.

А чтобы коней в конюшне не пугала, закрою рот поцелуем, выгнув ее шею.

Буду трахать рот с той же скоростью, что и член будет таранить ее текущую дырку.

А потом, когда мы закончим, я понесу ее обмякшую в джакузи, и там мы обязательно продолжим наш секс-марафон.

Черт. Когда уже я смогу ее к себе забрать? Почему все так сложно? Кто вообще сказал, что я должен ждать?

Сил терпеть с каждой минутой рядом с ней все меньше.

Наверное, она будет какое-то время ещё капризничать, сразу ее так не утащить в свою берлогу.

Увидев мою настоящую жизнь – может отказать.

Я, конечно, мог бы насильно заставить. Но нужно ли нам это? Думаю, нет.

Или да?

Ждать я не люблю. Да и врать о своем образе жизни тоже не собираюсь.

Посмотрим по ситуации.

Возможно она сама сразу согласится на наше совместное сожительство.

Ведь насчет моего предложения замужества она не ответила отказом. Значит у меня есть огромный шанс.

Значит она ещё под влиянием нашего первого знакомства.

Девушка долго отводит взгляд, но я все равно ловлю его в плен, хочу ей рассказать, как буду широко ноги ее раздвигать, да испугать крошку боюсь.

Рано ещё, очень рано.

Понимаю все, но язык так и тянется поведать о скорых изменениях в ее жизни.

Она кажется такой чистой, невинной, а я собираюсь ее в горячий котел похоти окунуть. С головой.

Чтобы задыхалась, чтобы на коленях ко мне подползала, и сама в рот просила. Член чтобы влажно причмокивала и до капли тёплую сперму глотала.

Скоро. Совсем скоро. Я дождусь.

Молчание затягивается, хоть и очень приятно смотреть, как она почти не дышит, глаза на меня.

Вот бы и на хер мой так смотрела. С таким же любопытством.

Ей ещё предстоит близкое знакомство с ним.

– Испугал я тебя вчера, – спрашиваю, нарушая получасовое молчание, и быстро отключаю вибрирующий телефон.

Не время для работы.

Сейчас похрен мне на все и всех.

Всю жизнь пахал как проклятый.

Дом построил. Конюшню сварганил своими руками. Бизнес себе создал по постройке домов.

Кто-то скажет, что я тупой как валенок. И кроме как кулаками махать, ничего не умею.

Понимаю, вид у меня такой. Страшного уroda бойца.

Но мне очень нравится смотреть их раскрытые рты, когда видят меня в костюме и на дорогушем мерседесе.

Это все понты, но они нужны для победы в тендерах, чтобы строительный бизнес мой рос и приносил ещё больше доходов. А так я люблю, когда все по-простому.

И вот теперь может пора задуматься о семье. Настоящей. Своей.

Большой такой... а почему бы и нет? Чем я хуже остальных мужиков? Я тоже об этом задумываюсь, правда женщина подходящая не попадалась.

Сейчас я понимаю, что думаю о девочках и мальчиках, что будут пить из этой возбуждённой груди, что находится напротив.

Я бы тоже не отказался в рот сосочек, как вишенку взять. Испить это молоко...

От перевозбуждения вжимаю ладонь в столешницу.

Так хочется тело ее в руках подержать, что скулы сводит, и в голове уже стучит.

А собственно, чего я жду?

Пока сама решится.

Эта мышка?

– Ты хотел меня изнасиловать? – выдыхает она вопрос, а я прислушиваюсь к своим вчерашним воспоминаниям.

Врать точно не собираюсь.

Я бы ее трахнул, но внутри что-то надломилось. Неожиданно все переменялось.

Проснулось ярое желание не просто трахнуть раз, а себе забрать.

Жадный я на свои вещи. Хочу ее для регулярного пользования.

А со своей бабой нужно быть аккуратней.

– Вчера – да.

– А сегодня.

Ну что лукавить.

Хочу ли я ее взять за волосы и натянуть на свой стоячий елдак, чтобы смотрела сквозь слезы и слюной давилась. Определенно...

– Тоже... – жму плечами, не собираясь ей врать.

Переборщил.

Она вскрикивает и быстро вскакивает с места. Но еще не понимает, что от меня ей больше не убежать, не скрыться.

Везде найду и обратно к себе верну. Ее судьба обречена пересечься с моей.

Лапой накрываю ладонь и успокаиваю. Пока.

– Только, когда ты сама попросишь, – объясняю и не в силах терпеть расстояние, отодвигаю проклятый стол и тяну крошку к себе на колени.

Да, черт, это то, чего я хотел все утро. То, чего хочу теперь всю оставшуюся жизнь.

Чувствовать это маленькое тельце в руках и в макушку носом зарываться. И вдыхать, вдыхать... Лапать.

– Руслан, – оправляется она, а я только дрожу от звука своего имени из ее уст и того, как же уютно ее попка на мой хер приземлилась. – Я никогда...

Никогда, что? Не целовалась? Так у меня тоже это, считай, в новинку. Вот так сидеть, как школьники.

– Я тоже никогда ничего подобного не испытывал, – говорю честно, смотря в ее глаза. – Поверь мне, Ангел. Все, что будет между нами, будет впервые для нас обоих.

Мне раньше и не было нужды думать о сексе. Или же дрочить. Он сам находил меня. По щелчку пальцев его получал.

И впервые приходится ждать и терпеть. Или не терпеть.

Ведь здесь никого кроме нас.

Она уже готова и принадлежит мне.

Вокруг только охрана и значит нам никто не помешает.

Остается только ее уговорить.

Ну или немного принудить.

Но судя по пелене страсти в глазах, проблем с этим у меня не будет.

Глава 9

Тяжко. Тяжко быть воспитанным, особенно, когда такие губки в миллиметре.

Воздух пряный выдыхают.

Тяну пальцы и замираю от их мягкости. От влажного блеска.

Провожу из стороны в сторону.

Сминаю и толкаю сквозь зубки.

– Возьми глубже. В этом нет ничего неприличного, – заливаю я в уши псевдоромантику, на которую никогда не был способен. Но она так сладко сосет, прикрыв глазки, что я даже, пожалуй, куплю ей цветы. – Моя ж ты умница.

Не в силах больше оставаться в стороне, заменяю палец языком, так, что она дергается и раскрывает свои чайные глаза.

Смотрит ошалело, но не может сопротивляться. Мой язык уже занял оборону и не дает ей дышать.

Только наслаждаться тем, как я кайфую от ее горячего ротика.

Целую. Пожираю. Насилую.

Она извивается попкой, как же бесит, что пока не могу утихомирить её членом.

На котором она сможет и будет ритмично подпрыгивать под руководством моих рук.

Хватаю ее за бедра, сильно – до вскрика – раздвигаю ноги и сажаю на себя верхом. Не позволяю вернуться.

Нет, милая, теперь тебе от меня никуда не деться. Буду напирать. Брать. Рвать. Но не отпущу.

Тебе остается только елозить на мне волной, как во время лошадиной прогулки и хныкать.

Сопеть возмущенно.
Пытаться сорваться с крючка.
Но я только теснее сжимаю сладкую попку, оставляя жгучие отметины и задаю темп движения, потираясь головкой о ее вход.
Ох, дьявол, как я ненавижу одежду.
Как она сейчас жмет и мешает.
Особенно в области паха, где настоящее бедствие.
И Кристине. Именно этому Ангелу предстоит его утихомирить.
А пока она острыми ногтями впивается в мои плечи. Глупая. Только для себя хуже делает.
В голове и без этого шквал пошлых идей.
Ведь я сразу представляю, как она будет совсем скоро расцарапывать мою спину.
В кровь. С криком. Дёргаться подо мной в предоргазменных конвульсиях.
Внутри загорается неконтролируемый огонь, что становится страшно за мою крошку.
Нежным я быть не привык. Хочу ее безумно.
Нестерпимо. Бесконтрольно.
Остается только надеяться, что выдержит напор.
Станет выносливой, чтобы не быть затраханной до смерти.
Но я подожду. Подожду.
Просто буду терзать ее рот, порывая, и все чаще толкаться сквозь несколько слоев ткани.
А так хочется ее в клочья разорвать, ноги шире раздвинуть, запах пьянящий познать и драть.
Трахать. Колом каменным вбиваться.
Захоронить себя в ней навсегда.
Не только в тонком, изящном теле, которое так легко переломить, но в душе, которую я жажду увлечь в самую глубину преисподней, что в моей голове.
Провожу пальцами от попки к бедрам, трогаю киску, чувствую, как намокла девочка, как жаждет меня с той же силой. И думаю о тугом пространстве между ног.
Спермой бы его накачать, как сосуд. Заполнить семенем, что даст плоды.
Я чувствовал пульсацию крови в висках, звон в ушах, сильнее сжимаю тонкую талию, пока она продолжает постанывать.
В какой-то момент хочет даже убежать.
Но поздно. Теперь поздно для нас обоих.
– Боюсь, Ангел, что не смогу дождаться загса, – предупреждаю и понимаю: трахну сейчас.
Место и время уже перестали иметь значение.
Только голод, который может утолить во мне только она. И не дай Боже кому-то сейчас в этом помешать.
Продолжаю вылизывать рот и спускаюсь на подбородок.
Прижимаюсь губами к пульсирующей в такт моему сердцу вене.
Могу поставить все свои деньги на то, что точно так же сейчас пульсирует и ее дырка.
Вибрирует, истекает прозрачной влагой в ожидании, когда ею воспользуются по назначению.
Покусываю кожу на шее, растягивая удовольствие перед тем, как уложу ее на стол и стяну джинсы.
Нет, ждать до свадьбы не могу.
Это уже слишком.

Глава 10

Ткань на ее теле ужасно выводит из себя. Уже без сопротивления дает спустить лямки маечки.

Ниже. Еще ниже.

Открывая своему взору молочные сосиски с ярко розовыми, как вишенка сосками.

Облизываюсь, как животное и, кажется, этим пугаю своего Ангела.

Но остановиться уже не могу, втягиваю сочную вершинку, слыша ее восторженный всхлип, и она дергается в руках.

Но страшно ей сразу вот так интимно. Оттолкнуть, сумасшедшая, пытается. Руками. Пыхтит.

Дура, я же одним движением их сломать могу, даже не вспотев.

Когда она понимает, что все бесполезно, когда принимает свою судьбу, то по телу мурашки бегут от поясицы, охватывают обручем низ живота.

Потому что вместо того, чтобы отталкивать, она выгибается в моих руках, принимая ласки сосков окончательно.

Хорошая девочка.

Прикусываю, чувствуя, как Кристина дергается в руках и умоляет остановиться.

О, малышка, я же знаю, что ты хочешь большего.

Просто мой напор тебя пугает. Просто место, черт возьми, не то.

Но разве это имеет значение?

Мозг переключило. И пока я терзаю ее сосиски, даже не слышу слов.

Хер и так уже болезненно пульсирует, а яйца звенят, готовые вот-вот взорваться.

Мне нужно кончить. И лучше это сделать аккуратно.

Головой я это понимаю, но тело требует совсем другого.

Я старался быть нежным, но, кажется, мне это совсем не удавалось. Потому что она продолжала всхлипывать и просить прекратить.

А я не знал, как с собой бороться и что вообще должен сделать, чтобы она согласилась на немедленный трах со мной.

Как развести ее так, чтобы сама на мой елдак запрыгнула?

Разговор?

– Чувствуешь? – спрашиваю, когда воздуха в легких не остается.

Она моргает и поднимает на меня стеклянный взгляд.

– Что?

– Между ног.

Она стыдливо отводит взгляд и вновь попытается прикрыть свою грудь.

Поворачиваю ангельское лицо к себе.

Сажаю ещё выше, чтобы бёдрами ощутила всю силу моего желания к ней.

– Обычно я думаю тем, что внизу... – Кристина хочет спрятать смущенное лицо и не может, стесняется смотреть в глаза.

Но я не мог этого допустить. Не мог не закрепить свои намерения словами.

– Но сегодня я чувствую тем, что выше.

– Желудком? – шутит она и зарывается лицом в мое плечо.

Бурчит мне в шею, пока поглаживал ее по шелковым волосам, старался не думать о том, как ее голые сосиски прижимаются ко мне, а соски давят.

Как же из-за этого пульсирует в мозгах.

Кажется, я готов сейчас на все, чтобы она проявила лояльность и скинула с себя этот страх близости с мужчиной.

И когда я уже думал, что ничего у меня не вышло. Она берет мое лицо в холодные ладони, и сама льнет всем телом.

Немного дёргано и неумело впивается в мой рот.

Я отвечаю, растягиваю ее штаны и рукой в трусы забираюсь.

Растираю собравшиеся соки, стараюсь делать это как можно сдержанней и не пихать пальцы со всей дури.

Дурею окончательно.

У неё между ног именно так, как я и представлял себе.

Узко, туго, сладко. Особенно, когда эту влагу ко рту подношу, не верю, что она так пахнет. Идеально.

Она же шокировано озирается на меня и ротик свой сладкий открывает, хлопает своими большими глазами. Желая возразить.

Я долго не раздумываю, целую, чтобы почувствовала меня.

Желание. Жажду.

Чтобы приступить к самому важному.

Только вот странный холодок мешает наслаждаться.

Что-то не так.

Мешает идти вперед и уже снять с нее шмотки окончательно.

В животе все сводит, только вот не от возбуждения.

Никогда не верил в интуицию, но мужской, короткий крик дает понять, что мы с Кристиной больше не одни.

Она вскрикивает, подпрыгивает с моих ног и ошалело смотрит на четырнадцать парней в черной форме.

Вооруженные до зубов, с черными, немигающими глазами.

А в них наша смерть.

Глава 11

Я никогда никого не убивал, хотя искалечил людей достаточно.

На ринге, что являлось отдушиной в обычной жизни.

В детдоме, где приходилось драться буквально за кусок твёрдого хлеба.

Приходилось вырывать с мясом своё. И если не бил ты, то били тебя.

В строительной бригаде, где провел много лет тяжелой работы, дослужившись до про-раба, а потом открыв свой строительный бизнес. Тоже бывали драки и не раз.

Часто в клубе, где снимал очередную блядь.

Иногда моя темная суть выходила наружу. Стоило человеку сказать пару лишних слов, и у меня срывало крышу.

С контролем у меня проблемы. И поэтому я пускал в дело кулаки. Ломал носы и выбивал зубы. Мне это нравится.

В жизни было много разного дерьма, которое не делает меня хорошим человеком.

Но это все по большей степени было игрой, ради адреналина или мимолетного удовольствия.

Утоления жажды превосходства, силы и власти.

Но я никого не убивал, пусть меня на ринге и называют Зверем.

Пусть даже ходили неприятные слухи, какое я животное в человеческом облики.

Никогда в моей голове не щелкало настолько, чтобы я думал прикончить противника.

Но в этот раз даже не думал. Отключил голову.

Рвал чужую плоть, абсолютно не понимая происходящего, только чувствовал, как человеческую суть поглощает инстинкт самосохранения, желания защитить свое.

Сворачивал шеи, вырывал руки, ощущая на губах вкус чужой, враждебной крови. И она как яд только сильнее заражала жаждой убивать.

Жаждой жизни. Жизни с той, кого спасти не смог.

Их было слишком много. И как бы стыдно это не звучало, я не выдержал бой с четырнадцатью вооруженными арабами, что давно намеревались отомстить своим врагам.

Не нам с Кристиной.

Я даже не думал, что они прорвутся сквозь охрану, что застигнут нас с малышкой врасплох.

И точно не думал, что не смогу ее защитить. Что не убью каждого, кто посмел посягнуть на нашу безопасность.

На наше благополучие.

Будущее, что я так четко распланировал.

Какой я мужик, если не смог ее защитить, как она после этого сможет мне доверить свою жизнь.

И я точно не знал, что буду лежать, захлебываясь собственной кровью, и смотреть, как выжившая, елековылявшая после боя со мной троица уносит Кристину через двор к кованым воротам, которые были широко раскрыты.

Я пытался открыть рот, чувствуя в нем один лишь стальной привкус.

Пытался позвать ее, дать понять, что я жив. Ее слова рвали душу в клочья.

– Руслан! Вы убили его! Руслан! – слышу душераздирающий крик своего Ангела, что церковным колоколом бил в голове снова и снова.

«Руслан! Вы убили его! Руслан!»

«Руслан! Вы убили его! Руслан!»

«Руслан! Вы убили его! Руслан!»

И впервые за много, много лет с того самого момента, как я смотрел на умершую мать и вешающегося отца, я плакал.

Как ребёнок. Как проигравший воин на поле бое.

Я продолжал смотреть на то, как ее сажают в фургон, и слышал, как визжат шины.

И вот она все дальше от меня. А я не могу пошевелиться. Не то, что встать, не могу и рта открыть.

Слезы сплошным потоком текли из глаз, пока тело, разрываемое адской болью, немело. И я не знал, стоит ли бороться за жизнь.

Ведь жизнь моего Ангела предрешена.

Арабам нужна была ее подруга Катя, что жила в этом доме с Захаром и Ренатом.

Дочь умершего Генерала, чья жизнь стоила намного больше других.

А узнав, что взяли не ту, Кристину убьют.

Моего Ангела не станет, а без него нет смысла бороться за жизнь и мне.

Боль огненной лавой покрывает все тело.

Снова и снова льется из неиссякаемого источника, как кровь, которой во мне почти не осталось.

Ее так много, чувствую, что уже не выдерживаю. Хочется выть. Хочется, чтобы это скорее закончилось.

Я слышу над собой голоса, то погружаясь во мрак, то поднимаясь на поверхность сознания.

Меня куда-то везут, что-то кричат, а я только чувствую металлический вкус во рту. Только желание уже поскорее сдохнуть.

Почему я не умираю? Зачем они борются за мою жизнь?

Как они не понимают, что без нее она ничего больше не стоит.

Я не смог защитить ту, что полюбил так стремительно и сильно. Не смог.

Где ты, мой Ангел?

Уже полетела туда, куда мне никогда не добраться?

Неужели я видел ее в последний раз?

Слишком много в моей жизни было зла. Слишком многим я причинял боль.

Я так надеялся, что любовь, её любовь очистит мою душу.

Темную. Грязную. Порочную.

Я верил, что если сделаю Кристину счастливой, то и сам обрету свое счастье.
Я думал, что заслужил. Такие люди, как я тоже хотят настоящего семейного тепла.
Она могла бы стать моим счастьем, она уже им стала. А я не уберег его.
– Разряд! Мы теряем его! – слышу над головой голоса и мысленно усмехаюсь.
Глупцы. За кого они там воют.
За мертвеца. За слабака. За бойца, что не справился с горсткой дилетантов.
Я не хочу, чтобы меня спасали.
– Внутреннее кровотечение! Где хирург!
– Такой здоровяк просто обязан выжить!
Обязан?
Я был обязан спасти нас. Почувствовать опасность!
Но я был с головой погружен в сбывающуюся мечту о счастье.
О будущей семье. О любви. Нелепое оправдание.
Перестаньте меня спасать.
Вырубайте приборы и несите меня в морг, потому что нет боли сильнее, чем потерять ту, что судьбой была предначертана.
Или... Есть шанс? Есть шанс ее спасти?! Может быть они не обнаружат обман! Может быть есть время!
Да! Да! Я спасу ее! Смогу очнуться и подняться на ноги до того, как с ней покончат.
Я поеду туда и перебью их всех!
Выпустите меня! Я хочу ее спасти!
Я должен это сделать! Прямо сейчас!
– Давление стабилизируется!
Крики становятся громче. Голоса ближе. И я чувствую, как лава Везувия, текущая по венам, словно леденеет, принося облегчение.
Принося забвение.
Я плыву по реке собственного сознания, которая приносит меня на зеленый берег.
Там пасется лошадь.
А на ней совершенно обнаженная Кристина. Красивая, статная. Великолепная в свете заходящего солнца.
Как богиня любви.
Соски розовые торчат, завлекая пососать их прямо сейчас. Волосы блестят, как шелк, а кожа словно покрыта жидким золотом.
Я хочу ее потрогать.
– Не бросай меня, – шепчет она негромко, лишь губами. – Прошу, вернись ко мне.
– Я никогда тебя не брошу, – словно замороженный шагаю к лошади, запрыгиваю и обнимаю ее руками.
Но не чувствую горячую плоть. Лишь солнечную дымку.
Зло смотрю по сторонам и вижу, как эта чертовка смеется, закинув голову уже на другой лошади.
– Я догоню тебя и трахну.
– Ты сначала догони, – смеется она так, что по телу разливается жар, не имеющий ничего общего с болью.
Только с возбуждением. Яростным. Неистовым.
И я скачу за ней, но вдруг лошадь резко останавливается, бросает меня на землю, выбивая весь дух.
Я лежу, стараясь дышать. Хоть вздох сделать.
– Он не хочет жить. Если сегодня он не очнется, я снимаю его с аппарата ИВЛ, – снова слышу мужской голос и пытаюсь понять, что вообще происходит.

Паника накрывает. Он же говорит обо мне?

Нет!

Мне ещё нужно Ангела своего спасти, рано уходить.

Я обязан ее найти, живой или мертвой, но должен.

А потом чувствую ладонь на груди. Прохладную, словно поток воздуха и дуновение ветерка прямо в ухо.

– Руслан. Я вернулась. Я жива. Пожалуйста, не бросай меня.

Глава 12

Сил нет. Ни моральных, ни физических.

Меня качают лошадиными дозами обезболивающих, но они не приносят должного результата.

В голове все еще паутина из мыслей, фантазий и воспоминаний.

Прошрое, настоящее. Все смешалось в доме Облонских.

Да, да. Я тоже читал Каренину. Тварь. Ненавижу, когда изменяют.

В какой-то момент густая тьма, что буквально липла к влажной коже, отступает.

Медленно. Медленно. И я с трудом, но осознаю, что все-таки не сдох.

Теперь бы еще инвалидом не остаться. Сосредотачиваюсь и начинаю напрягать мышцы.

Руки. Работают.

Ноги. Пальцы вроде шевелятся.

Ну и самое главное. Тут надо проверить. Но это легко, подумал о безликой белокурой бабе, и в паху потеплело.

Итак, новости хорошие.

Я жив и даже способен к половой деятельности. Остальное решим.

Еле разлепляю глаза, сразу жмурясь от яркого света, и спустя пару выдохов повторяю попытку.

Чувство такое, словно у меня нереальное похмелье.

Больница. Нормально. Ожидаемо.

Пытаюсь пошевелиться, но тут понимаю, что весь забинтован.

Рядом давят пиканьем на мозг приборы для определения моей жизнедеятельности.

Спустя пару минут заходит молодой, холёный врач со светлыми волосами.

Он деловито начинает заливать мне в уши какую-то медицинскую херь.

– Док, давай по-русски, – хриплю я, еле узнавая свой голос. Как у старика.

– Вам пока лучше не говорить. Вы потеряли много крови. Но вам повезло. Три пули прошли на вылет. Одна задела печень, но мы ее подлатали. Правда внутреннее кровотечение не позволило вам сразу прийти в себя. Вы провели три месяца в коме.

Три месяца? Ох черт! Я же хотел спасти! Только кого! Где она?!

Кто она?

Приборы начинают пикать активнее, и врач тут же что-то заливает в мою капельницу, и я постепенно начинаю расслабляться.

Все как-то не так. Что-то мешает мне думать.

– Вам нельзя нервничать. Пожалуйста.

Воспоминания понемногу возвращаются. Особенно о том свете, что вытянул меня наружу.

О прохладных руках, что обтирали тело. О сладкозвучном голосе.

Воспоминания словно сон.

– Вы знаете. Мы тут уже ставки делали, выживете ли вы.

– Вы не верили, – вспоминаю я смутно его слова в одну ночь о снятии с аппарата.

– Не верил, – кивает он с ухмылкой. – Но судя по всему, вас спас ангел-хранитель.

Он же у меня есть, да?

Ангел... Как же это знакомо. Но в то же время будто и слышу впервые.

Кажется, что связано это с человеком.

С женщиной, что пахнет так маняще. И воспоминания новым потоком текут в мозг.

Голос похожий на пение птиц.

Руки такие нежные, заботливые. Они глядят по голове и груди. Держат мою ладонь в тонких пальчиках.

Знакомых пальчиках.

Она часто повторяла: вернись. Вернись. Кто она?

Неужели меня так загнуло от препаратов? Наверное.

Пока я спешно роюсь в своей голове, врач прощается, зато в палату вваливаются двое.

Два давних друга. С которыми я знаком с детства.

Дружили до того момента, пока меня не забрали в пятнадцать лет в приемную семью.

Потом по счастливому обстоятельству встретились в армии.

Ренат и Захар, неразделимые братья, всегда вместе.

Невыносимые вояки.

Хоть они и разные, но кажутся одним целым.

Вместе служить по контракту пошли. Вместе все задания выполняли. И пока я делал бизнес, они весь мир успели повидать.

Не мало девок на двоих перетрахать. Как пираты, лишь иногда спускающие якорь.

Я раньше тоже мечтал пойти на службу, но вот когда в армию сходил, понял, что делать там нечего и в особенности денег много не заработаешь.

А для них это вся жизнь. Работа и удовольствие.

Я так не могу. Я разделяю. Работа пусть остается работой.

Моя отдушина бои без правил. Там тоже можно подзаработать. Но они служат больше для развлечения.

Выпустить пар, когда есть внутреннее напряжение и кажется, что еще немного и взорвешься.

Да, забрызгаешь кого-то ненароком. Характером я не паинька вышел.

Дамира, моя приемная мать, крайне недовольна этим развлечением. Постоянные недопонимания.

Особенно к двадцати годам, когда с ринга просто не слезал. У нее пять приемных сыновей. Все при деле, я был раздолбаем.

Она в итоге орать не стала, просто отправила меня к Ахмедову, своему любовнику давнему, работать на стройке.

Я сначала даже всерьез не принял, а потом ничего – втянулся.

Смотреть, как из кучи строительных материалов спустя пару месяцев появляется произведение искусства – настоящее удовольствие.

Так и себе дом отгрохал.

– Брат, ты с нами? – машет перед лицом Ренат, и я киваю.

С вами. Только башка все равно болит, словно потерял что-то. Или кого-то.

– Рад, что ты жив, друг, – подходит Захар и жмёт мне руку.

Я же с трудом, но стараюсь принять вертикальное положение.

Сам. Должен сам. Хватит тут разлеживаться. Парни помочь пытаются, но я не даю.

– Я не инвалид.

– А по тебе и не скажешь, – усмехается Захар, плюхаясь на небольшой диван. – Выглядишь так, словно тебя переехал мусоровоз.

– Заткнись.

– Но такой же огромный, – подначивает Ренат. – Черт, Измаилов, что тебе тут вкалывают такого, что ты продолжаешь кабанеть.

И в подтверждение своих слов этот придурок хлопает меня по животу.

– Или его любимая медсестричка так откармливает глюкозой, – слышу я странное заявление в свой адрес и хмыкаю. – Признавайся, Рус, чем вы тут с Кристиной занимались три месяца.

Услышав имя, я замер.

– С какой Кристиной?

Глава 13

Услышав имя «Кристина», я дергаюсь и чувствую, как сердце сильно бьется в области горла.

Я ведь не знаю никаких Кристин.

Пытаюсь покопаться в своем сознании, все как-то странно, но имя помню.

Вон она дверь с табличкой. Только вот сколько не дергай ручку, не открывается. Словно мозг запечатал ее. И я понимаю, что должен знать.

Парни между собой опять страшную пантомиму устраивают.

Рожи свои друг другу корчат, глаза пучат. А мне просто улыбаются. Дебилы.

Кристина...

Странно. У меня и девок с такими именами не было. Обычно короткие. Типа Вика, Ника, Таня.

Да и не встречался я ни с кем. А медсестру под себя подминать вообще считаю неправильным.

Они дело доброе делают, не то, что эти прожигательницы жизни, к которым я привык.

– Медсестра твоя, Кристина. Рожа у тебя такая страшная, что все разбежались, она одна осталась.

Они оба начинают дико, но как-то неловко ржать, словно в игру играют. Реально не понимаю их шуток об этой бабе.

Я что, приставал к кому, пока в коме был?

Главное, чтобы не трахнул, детей мне не нужно. Знаем, пытались меня окрутить.

Но я уже давно решил, пока не полюблю, так, чтобы жизнь отдать готов, хрен семью заведу.

Любовь... На языке опять вертятся слова Ангел и Кристина.

Башка начинает от напряжения болеть.

– Ладно, – резко успокаивает Ренат и взмахом руки вынуждает замереть и Захара. – Ты как вообще?

– Выспался? Болит? – участливо спрашивает тот.

Заваливают меня вопросами, а я подкладываю подушку поудобней и смотрю на этих кретинов, но не вижу.

Все в сознании своем брожу.

Думаю, как дверь эту таинственную открыть. Интересно же.

Интересно, а кто меня так мог отделать, что я в коме три месяца провалялся.

– Живой и ладно. Башка болит. Жрать хочу, но нельзя. Так что прекратите меня бесить вашими скрючившимися рожами, иначе начну с вас.

Да, голова действительно как ватная. Спина болит. А так, по сути, я в порядке.

Бесит, что не могу сложить недостающие куски произошедшего. Все словно в тумане.

Вроде и вот он ответ, но что-то мешает мне вспомнить всю картину.

И имя это в мозгах так и засело.

Может и правда медсестра симпатичная попалась, вот и снилась всякая похабщина.

Я обычно к сексу спокойно отношусь. С голым членом за бабами не бегаю. Но когда приспичит, нахожу быстро. Так же быстро прощаюсь.

А здесь-то что тогда? Почему именно она?

– Мы думали тебя убили. Но ты справился с одиннадцатью до зубов вооруженных спецов. Кровищи было... – рассказывает Захар, кладя локти себе на бедра. Потом морщится в лице и добавляет: – Катька заставила поменять весь пол и клеить новые обои. Ты представляешь? Я, и возиться с такой херней.

Он все продолжает бурчать о том, что ещё ему «Катька» приказала сделать.

Катьку помню. Баба их. На двоих трахают, хоть и делить пытались.

Они ещё сопляками трахали одних и тех же баб, по отдельности и вместе.

Для них это норма.

Хотя для меня это мерзко. Вот один мужик и две бабы ещё куда ни шло, таким даже я грешил.

Судя по довольным рожам, крепко дочь генерала их за яйца взяла.

Так... Помню. У нее в доме был, где пацаны уже несколько месяцев жили.

Ее от арабов защищали.

А что в тот вечер было.

Пили. Дурью маялись, помню. В драку играли.

В сознании звон стекла вдруг смешался с женским, раздражающим верещанием.

Истеричка у них эта Катя.

– Тебе точно нужно было на службе оставаться. Такого бойца с руками бы оторвали, – выдает Ренат, вырывая меня из тяжелых мыслей. А потом по башке своей проводит и, кинув взгляд на Захара, добавляет: – Мы, когда твою спасали, такая бойня была... Я уже и забыл, что такое запах паленого человеческого мяса.

Стоп.

Стоп.

В сознании дверь с табличкой «Кристина» приоткрылась и из нее начал литься знакомый тихий голос.

«Руслан, я вернулась. Не бросай меня».

Что за хрень, думаю я и сглатываю.

– Мою?

Кого мою? У меня кто-то есть? Не может быть этого.

Медленно шагаю к двери и тяну на себя, прикрывая глаза от яркого света, в котором стоит девушка.

Стройная тростинка.

Обнаженная, прекрасная. Заплаканная. Черт.... Вся в крови.

«Кристина?!»

Она?

Раз.

Два...

Мою. Мою. Мою.

Кого мою, черт подери!?

Кто такая для меня эта Кристина?

Захлопываю двери с размаху и обернувшись натыкаюсь на девушку снова.

Только теперь она в медицинском халате.

Подходит к пациенту, в котором я вижу себя. Почти не дышу. На аппарате.

А она слезы льет на груди, и у меня сердце сжимается от до боли знакомого голоса.

– Руслан, пожалуйста. Не бросай меня. Я не выдержу. Я не смогу без тебя. Я люблю тебя.

Любит?

Эта она со мной разговаривала.

Ее голос слышу сквозь пелену.

Помню, что пахнет, как свежие персики. Лицо у неё такое бледное, нежное. Глаза такие огромные, испуганные.

Она...

Кристина.

Ангел.

В голову в момент словно тысячи игл вонзаются, давят на точки памяти, в сознание резким светом бьет.

Боль в груди такая, что сдохнуть хочется.

Медсестра?

Ангел мой!

Она же... Она же... Я должен был ее спасти! А ее спасли другие. Что она теперь думает обо мне!

Я хватаю Рената за грудки и реву зверем:

– Где она?! Где она, мать твою?! Говори!

Ее же забрали. Забрали те мужики, что из меня чуть фарш не сделали.

Куда забрали? Как долго она там была?

– Жива она! Что орешь прям в ухо, – говорит он, но я не собираюсь его отпускать. Жду, пока он скажет самое главное. – Помята была немного, но жива.

– Что?! – кричу и чувствую, как руки слабеют, и я начинаю постепенно отъезжать. – Что с ней случилось?!

Рядом появляется встревоженный Захар и помогает оторвать мои руки от друга.

Хлопает меня по плечу, заставляя обратить на себя внимание.

А я ничего уже не вижу.

Чувствую только ярое, животное желание убивать.

Ублюдков, что посмели ее украсть. У меня.

Мою Кристину!

– Ренат хотел сказать, что похищение на неё плохо повлияло. Но в целом она, кажется, справляется.

И тихо так добавляет, снова выпучив свои глаза:

– Более или менее.

Это мне не нравится. Они покалечили ее? Руки, ноги поломали? Могли!

Ничего, все вылечим, исправим. Главное жива. Жива!

Я подрываюсь и вырываю катетер, не обращаю внимание на струю крови. Нужно найти ее. Немедленно. Извиниться, что не спас.

Извиниться, что так долго лежал без дела.

– Руслан, приди в себя. Мужик, возьми себя в руки.

Да я сам понимаю, что из плена здоровыми не возвращаются. Они поломали ее, если не физически, так морально.

Как быстро парни ее спасли?

Но следующие слова друга удивляют и заставляют меня остановить поток наихудших мыслей.

– Три месяца с тобой сидит. Наша Катка попросила, чтобы мы помогли ее устроить сюда медсестрой.

Она здесь, дышу спокойнее и смотрю на дверь.

Тем лучше.

Нам нужно срочно поговорить. Кажется, я сейчас сдохну, если не увижу ее через секунду.

– Я должен ее увидеть. Должен. Должен. Должен...

– Стой, здоровяк, – кричит мне кто-то в ухо, удерживая за плечи. Встать не дает.

Пусть хоть привязывают. Все равно встану и найду.

– Кристи-ина! Кристи-ина!

– Да стой же ты! Блять! Захар, держи его.

Глава 14

Торчать в этом храме хлоргексидина и преднизолона смысла больше не было.

Но, чтобы я не вырвался и не встал с кровати, меня просто привязали ней. Как собаку.

Пытались объяснить, что мне еще как минимум месяц нужен относительный покой.

Вот только покой наступит, когда Кристина окажется рядом со мной.

Там, где ее место.

Но на все вопросы слышал тупой ответ – уволилась.

Причины. Явки. Пароли.

Обижал может кто, угрожал.

Но судя по рассказам, Кристина особо ни с кем не общалась, это даже порадовало меня.

Была прикреплена только к одному пациенту – ко мне.

Хотя и часто бегала в детское отделение.

Наверное, помечтать, как будет качать на руках нашего ребенка.

Думал, что ждала меня, когда очнусь, чтобы сразу к делу приступить.

Только, когда на третий день она не появилась, я понял, что начинаю потихоньку звереть.

Где она, черт возьми?

Еда потеряла свой вкус и запах, а люди начали раздражать.

Их было так много, что в голове стоял гул.

Пришел мой заместитель, молодой, семейный мужик. Я его от тюрьмы в свое время спас.

Я был, конечно, рад слышать, что он меня не надул на деньги, не присвоил ничего себе и даже не попытался, но как же бесила его лишняя болтовня.

Дамира приходила, чуть ли не с ложечки кормила и тоже спросила, где та тихая девушка, что постоянно меняла капельницы и поправляла одеяло.

Моя Кристина. Смылась. Убежала, избавившись от меня.

– Я бы тоже хотел это знать, – выдыхаю и отворачиваюсь от еды.

Жрать стало можно, только вот не хочется совсем.

Так же, как не хочется видеть эти жалостливые лица, словно я инвалид какой.

А нет! Я почти полон сил. И ещё на ринг вернусь.

Пора браться за дело, а не отлёживать бока.

Кристина ведь может надумать, черт знает, чего. У этих баб всякая чепуха же в голове творится.

Пора напомнить ей, что искра, проскочившая между нами, так и не зажглась в огонь.

Пора напомнить ей, что хватит глазеть на чужих детей, пора своих делать. И надо сказать, я планирую быть в этом очень изобретательным. И главное старательным.

Для начала, пока я не приду в норму, она меня оседлает, и сама будет управлять нашим грязным процессом.

Смачно насаживаться на мой жезл, держа свои сосочки ягодки пальчиками.

Но как только врач разрешит физические нагрузки, управлять ее изящным телом начну я.

Так, что уши будет закладывать от звонких переливов ее сладких стонов.

Я буду использовать ее тело каждый день, безостановочно. И пусть только попробует что-то простить сказать.

Будет жестко наказана. А фантазии для таких игр у меня будет предостаточно.

Мы с ней повеселимся. Только эти мысли помогали мне выживать в этом месте без неё.

Ко мне пытались приставить других медсестёр. Хорошеньких. Сисястых.

Да все не то. Гнал всех. Потому что не блондинки, потому что кожа не такая нежная и взгляд не такой добрый. И пахнут они лекарствами.

А моя не так пахнет.

От моей аромат совсем другой, родной, свой, такой, что хочется своим запачкать.
Мою никем заменить нельзя.

Но эти глупые дуры так и продолжали липнуть, когда узнали, кто я, когда поняли, что этот страшный мужик имеет много бабок.

Курицы.

А Кристина – она не такая, она меня сразу полюбила, как человека, а не как кошелёк.

Меня. Такого злого и большого.

И ушла! Ушла, сучка такая.

Ну ничего, мы не гордые, мы и побегать можем, с нас не убудет. За такой-то.

Жена же будущая, сразу понятно, что не будет все так легко. Тем более в сложившейся ситуации.

Зато какой кайф будет получить ее сполна, когда станет моей полностью.

– Руслан, ты слышишь меня, – зовет меня Ахмедов, который по моей просьбе прибыл в больницу и нашел всю скрываемую информацию.

Меньше всего я ждал, что даже Захар с Ренатом будут игнорировать мои просьбы дать адрес Кристины.

Вот от них подставы никак не мог предположить, но они как партизаны молчали оба. И я знал, откуда корни росли.

Катка им так приказала, так вот эти два каблука не могли отказать своей девке.

Понимаю.

Была бы рядом моя Кристина и попросила бы чего, тоже бы не отказал.

Но по секрету же можно было мне сказать, я бы их не сдал.

Ахмедов же нормальный мужик. Выложил инфу сразу же, по первой просьбе.

Нормальный мужик. Правда женат, четверо сыновей, но моя приемная мать – Дамира, его давняя любовница.

Я сначала, как узнал, морду ему набил.

С дури, конечно. Ведь нельзя так, трахать столько лет и иметь свою семью на стороне.

Сцепились мы тогда как звери. Обида во мне сильная была.

Потом уже за пивом он-то и рассказал, что моя приёмная мать – это жена его покойного брата, он любит ее всю жизнь.

Это не удивительно.

Даже в свои пятьдесят она все еще остается очень интересной, ухоженной женщиной с острым взглядом и ровным разрезом бровей.

Даже вот мне принесла гладко выглаженный костюм на выписку, хотя до неё ещё долго.

Говорит, негоже выходить в свет в трениках, хотя дойти до машины тут пара минут.

Еду мне носит свою, как из ресторана.

Впрочем, всегда так было, она все делает идеально, а уход за мужчиной у неё на первом плане.

Я всегда чувствовал это на себе, особенно после смерти её мужа, так как все силы она сосредоточила на мне.

Мать никогда не позволит себе появиться на людях без макияжа, маникюра и костюма, пошитого на заказ.

Но это сейчас она может решать, что носить и как жить. В те же времена, когда был жив ее муж, как, собственно, и сейчас ничего не изменилось: женщины в восточных семьях ничего не решали.

Что-то мне подсказывает, что, когда Ахмедов Ильшат сделал ее своей любовницей, ее мнения тоже никто не спрашивал.

Зато все ее приемные дети были при деле. И мне нашлось.

– Руслан! Сынок, ты со мной?

– Слышу я. Ты достал, что я просил?

– Достал. У девушки сегодня билет на поезд до Иванова. И может быть к лучшему...?

– Что, блять! – ору я, срывая ненавистный катетер. Они перестали меня связывать, повели, что я не сбегу. Но теперь они меня не остановят. – Во сколько?!

– Через полтора часа, – летят в меня ключи, а Дамира, сидящая рядом, скользя за нами взглядом, поджимает губы.

Ей не нравится, когда она не располагает полной информацией. И скорее всего, как только я выйду за порог палаты, разузнает о Кристине все то, что уже выяснил Ахмедов.

У него связи по всему городу. Нет такого барыги или бандита, который был бы ему не должен.

Но он ни с кем не ругается, никогда. Даже долги не трясёт. В случае чего он просто забирает что-то ценное.

Таким образом женились двое его сыновей. В счет долгов. Ничего удивительного.

Я ловлю связку ключей от своего БМВ и, ставя ноги на пол, понимаю, почему врачи говорили лежать.

Передвигаться сложно, но для нытья времени нет.

Одеваюсь в приготовленные, выглаженные джинсы и черную рубашку, выхожу из больницы, поддерживаемый грубой рукой Ахмедова, что по размеру был только чуть меньше меня.

Но перед тем, как тронуться, Ахмедов не удержался от пары слов. И выдал то, что я ожидал от него услышать.

– Дамира не довольна твоим выбором.

Глава 15

Ну, что сказать. Предсказуемо. Я бы удивился, если бы Дамиру устроила русская без особых связей девушка.

Но для меня эти факты не играли никакого значения.

Только вот приемная мать, кажется, забыла, сколько мне лет. Забыла, что давно не шестнадцать, когда она могла надавить тем, что забрала из приюта и дала дом.

Если потребуется, я объясню, что Кристину пожелало моё похотливое сердце. Внутренний зверюга уже от злости зарычал, потому что все сговорились и пытаются лишить его желанного.

Весь мир может сказать, что Кристина мне не пара, я скажу в ответ: «Не ваше собачье дело».

– Дамира мне мать, а не жена. И она не знает Кристину, – напоминаю я, смотря прямо в тёмно-карие глаза.

– Ты тоже ее не знаешь, – поднимает густые брови, по сути, приемный отец. Именно так я стал его называть. И дело даже не в благодарности. Просто он примером для меня всегда был.

Ильшат хмурится, раздраженно хлопает дверцей тачки, но я отмахиваюсь от его негатива. Сейчас не до него.

Хотя его слова о том, что я не знаю своего Ангела, крутятся в голове всю дорогу. В этом есть доля правды. Но сейчас нужно выяснить, что вообще между нами происходит. Какого хрена ее не было в день моего пробуждения.

Куда вообще собралась?

Тем более, кому вообще нужен этот конфетно-букетный период, если мы фактически с первой встречи поняли, что, как бы по-идиотски это не звучало, созданы друг для друга.

Мы пережили почти смерть. Нам нельзя разлучаться. Ну, а узнать друг друга можно и по ходу совместной жизни. Времени теперь предостаточно.

Мчусь сквозь шумный город, слушая любимый звук шестицилиндрового двигателя и вдавливаю педаль в пол, постепенно ускоряясь.

Ходить ещё тяжело, а вот машину водить настоящий кайф. Особенно в кайф знать, что не каждый может себе такую позволить.

Именно поэтому я стал зарабатывать. Хотел жить, а не существовать.

Пользоваться вещами и возможностями, которые дают большие бабки. Иметь привилегии, которых нет у многих.

Чуть не заплутал в районе, так сильно напоминающим мою жизнь в приюте. Грязь. Разруха. Голод. Захолустье с высоким уровнем преступности.

Серые, обшарпанные дома, распивающая алкоголь школоты и их родители.

Запах этой помойной ямы чувствуется даже с закрытыми окнами.

Дом, указанный на бумажке, я нахожу спустя минут десять не самой приятной экскурсии.

М-да. Как бы не рухнул.

И что Кристина здесь забыла? Неужели ей нравится жить в таких условиях?

Ладно меня боится, почему с Катей не осталась жить?

Это тоже спросим.

Закрываю тачку. Сразу замечаю удивленные взгляды местных алкашей и перешёптывания бабулек на лавочке.

– Если тачку не тронут – с меня ящик водяры, – предлагаю я и вижу загоревшуюся алчность в белесых, осоловелых глазах каждого из пяти забулдыг.

Это я, конечно, ляпнул, не подумав, водки-то у меня с собой нет, но зато они теперь с моей ласточки пылинки сдувать будут.

А я пойду сдувать пылинки со своей невесты, решившей какого-то хера, что может взять и бросить меня.

Но судя по тому, что она не открывает мне двери, я ей вообще не сдался.

В подъезде воняет мочой так сильно, что режет глаза, а слизистую носа сейчас просто сожжет. Надо забирать отсюда Кристину.

Даже если сразу не станет жить со мной в доме, купим квартиру.

– Кристина! – стучу по дряхлой двери, слыша, как в квартире что-то громко падает. – Я пришел, милая.

Минута, вторая. Ответа нет, а у меня неожиданно голова начинает кружиться. Тошнота к горлу подкатывает. Скорее всего от дикой вони.

Наивная... Думает уйду, а она махнёт на поезд?

Надеется, искать не стану? Разве не дал ей понять, что мы стали одним целым? Все проблемы на двоих. Ну похитили, ну помяли маленько – по словам парней. Зачем и куда бежать собралась.

Я же рядом, вернулся. Сама меня выхаживала. Теперь моя очередь ее в себя приводить. Может даже писечку ее влажную полижу, хоть раньше не делал такого.

Только бы дверь эту открыла, пока я ее своим окостенелым стояком не выбил.

– Кристина! Открывай! Я знаю, что ты дома.

За дверью слышится всхлип, и я уже со всей дури долблю в чёртову разделяющую нас дверь.

Молчание.

Да что за пиздец? Я что ей сопляк какой в подъезде ошиваться в ожидании ее милости. Голова сильнее раскалываться стала.

– Открывай!

– Эй, я сейчас милицию вызову, – слышу недовольный голос позади себя и оборачиваюсь.

Дверь напротив открылась. Из нее показал свою лысеющую голову мужик с сальной губой. Мясо поди жрал.

Он осматривает меня с ног до головы, оценивая масштаб проблемы, и быстро возвращается к себе.

Мудрое решение.

– Кристина! – возвращаюсь я к своему занятию, с каждой секундой злясь все сильнее. – Не беси меня. Тебе же хуже будет.

Пугать ее не хочу, но заставляет же идти на крайние меры. Что стоит открыть с первого раза. Трусиха. Теперь как идиот ору на весь дом.

И вдруг из мыслей вырывает всхлип и тихий стон:

– Уходи, Руслан! Я уезжаю!

Ее поступок вызывает острое недоумение. А смысл был меня выхаживать? Смысл был торчать в палате день и ночь как жена? А теперь уехать собралась? А меня кто будет спрашивать?

– Открывай или я выломаю дверь, – тихо с рыком выдаю, осознавая, что злость вскипает во мне как вода в котле. – Раз...

Надеюсь на ее благоразумие, но эта трусиха думает, что я шучу.

– Руслан! Пожалуйста!

– Два!

– Руслан! – ее голос надламывается. – Тебе надо в больницу!

Ломать так ломать.

– Вот именно. Поэтому я и приехал за своей медсестрой, – раздражено подмечаю очевидное... Опираюсь рукой о стену и смагиваю чёрные точки в глазах. Что так хреново-то? – Три. Отойди от двери!

Дыхание учащается, в ушах поднимается гул. Отхожу назад и ставлю упор на левую ногу, чтобы разбежаться.

Чувствую, как меня мутит от нагрузки. Надеюсь только на то, что меня не стошнит прямо сейчас.

Разбегаюсь и не успеваю затормозить, как двери резко открываются.

Блять!

Кристина шустро отбегает в сторону, пока я врываюсь внутрь, пробегаю пару метров и запинаясь об ковер.

– Сука! – падаю я с грохотом. Последнее, что вижу, клетчатая дорожная сумка. – Не уезжай, Ангел. Я сдохну без тебя.

Глава 16

В нос бьет резкий запах. Он вызывает тошноту, и я осознаю сквозь дрему, что мне тычут в нос нашатырем.

Собираюсь с силами и разлепляю глаза.

Что тут у нас?

Белые колени, между ног виднеется розовая полоска трусиков, маленькая грудь, светлые локоны, большие глаза.

Неужто я в рай попал? Тогда мне срочно нужен вот этот ангел. Желательно без ничего.

Что за бред? Пытаюсь сморгнуть с глаз странную дымку.

– Руслан, ты слышишь меня? Руслан, – улавливаю я обеспокоенный голос своего ангела. Кристины. Моей Кристины. Воспоминания в больной голове начинают восстанавливаться. – Боже, я вызываю скорую.

Я в больницу не вернусь. Нечего мне там больше делать. Я в полном порядке. А даже если раскалывается голова, и в сон клонит, то разве я не рядом с квалифицированной медсестрой?

Переворачиваюсь на спину и с трудом, но сажусь, замечая в бледной руке трубку.

– Стоять, – пытаюсь прикрикнуть, но выходит лишь легкий хрип.

Это я, получается, свалился в обморок. Буквально в ноги своей девочке. Поднимаю на нее тяжелый взгляд. И целый рой пчел-вопросов кусают мозг.

А она замирает с телефоном у уха.

Переживает. Носом хлопает. Глаза на мокром месте. Светится вся. И в душе сразу тепло становится, спокойно, словно домой зашел, запах хвойных деревьев почувствовал.

Весь день бы так сидел и пялился. Только вот не понимаю, что за сцены она разыгрывает? Что за попытки убежать, как будто искать не буду.

– Судя по тому, что ты улыбаешься, – говорит она необычайно серьезно, словно строгая учительница. Да, детка. Будь со мной построже. Я могу быть очень плохим мальчиком – Ты можешь доехать до больницы и сам.

Убирает телефон, хватает сумку, бросая ключи на аляпистый, как и обои в квартире, диван. А я все наблюдаю как будто в замедленной съемке. Как она бросает последний взгляд, как топает к выходу, как хватается за ручку.

Меня как гейзером подбрасывает. Чувствую, что хреню мой бросок закончится, но дверь с шумом перед ее носом захлопывает. Кристина испуганно вскрикивает, но нам нужно разобраться.

Поэтому разворачиваю замершее тело и толкаю к двери, нависая сверху.

– Расскажешь, куда собралась?

– Руслан, послушай, – прячет она глаза, но я беру за подбородок, не смотря на дрожь в ее теле, в глаза полные страха.

– Это ты меня послушай. Мы вроде бы все решили. Ты моя невеста.

Она молчит, в глаза в панике смотрит и облизывает свои губки. А я не знаю, от чего меня штурмит, то ли от башки больной, то ли от вида этой сладости, что сожрать хочется.

– Это ты решил, – выдавливает она несмело, а меня начинает колотить от злости. Нет уж, дудки, давайте разбираться.

– А твое сидение возле моей кровати и признания в любви были специальной терапией? – вбиваю кулак над ее головой, на что она дергается, и я ослабляю хватку. Надо помнить, что она тоже пострадала. Может у нее, как это...

Посттравматический стресс.

– Я не признавалась тебе в любви, – снова выговаривает она, продолжая сжимать ручку своей небольшой клетчатой сумки.

Да что происходит?! Что за стеснения?!

– А я слышал другое, – приближаю свое лицо к ее резко побледневшему... Кончиками пальцев веду по полупрозрачной коже. Ниже, по шее. Почти целую. – Слышал, как ты просила меня вернуться. Так вот он я, мой Ангел. Бери меня всего, или сейчас возьму тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.